

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

От Издательства

Василий Осипович Ключевский (1841–1911) — один из четырех выдающихся русских историков золотого века русской культуры, каковым по праву считается XIX столетие. Никогда до того и никогда после российская историческая наука не достигала такой силы своей общественной значимости, никогда более ее мысль не характеризовалась такой глубиной анализа, как в трудах Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и Н. И. Костомарова. Если вклад Карамзина можно сопоставить с значимостью Пушкина, титанический труд Соловьева — с монументальными произведениями Льва Толстого, подход Костомарова — с полными глубинных личных страстей романами Достоевского, то Ключевский был своего рода Чеховым — мастером меткой, парадоксальной характеристики своих героев и обстоятельным вниманием к мельчайшим деталям внешней обстановки.

Но даже среди титанов отечественной историографии Ключевский занимает исключительное место. Для многих своих современников он стал символом и гордостью России. Когда хотели сказать о чем-то прекрасном на Руси, то для убедительности говорили: «Это равняется лучшей странице Ключевского» (*В. В. Розанов*). Его называли добрым гением, домашним духом, покровителем русской культуры, с которым не страшны никакие бедствия, никакие испытания (*О. Э. Мандельштам*).

Каждое выступление историка приобретало огромный общественный резонанс. Люди, слышавшие Ключевского, сравнивали его лекции и речи по силе воздействия на аудиторию не с другими учеными, а с высочайшими образцами искусства — с выступлениями Шаляпина, Ермоловой, Собинова, Рахманинова, со спектаклями молодого Художественного театра.

Тот, кто присутствовал на выступлениях Ключевского, надолго запоминал их; кто их пропускал, невероятно сожалел об этом как о личной потере. Под влиянием Ключевского А. П. Чехов собирался писать историю медицины. Обладая даром художественно-исторического воображения, Ключевский консультировал деятелей литературы и искусства. Так, Ф. И. Шаляпин с помощью Василия Осиповича разрабатывал сценические образы царей Ивана IV Грозного, Бориса Годунова, старца Досифея и был потрясен тем, как масштабно и правдоподобно Ключевский в ходе консультаций сам играл царя Василия Шуйского. Художественный дар Ключевского также нашел воплощение в его афоризмах, репликах, оценках, часть которых была широко известна в интеллектуальных кругах России: «Прошедшее надо знать не потому, что оно произошло, а потому, что, уходя, оно не умело убрать своих последствий»; «История — это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков»; «Ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем»; «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной»; «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не зная, как и зачем мы живем, как и к чему должны стремиться».

В предлагаемой читателю книге Ключевский выступает как выдающийся мастер исторического портрета. Ученый создал галерею образов правителей России — например, царей Ивана Грозного, Алексея Михайловича, императора Петра I, императрицы Елизаветы Петровны, императора Петра III, императрицы Екатерины II; выдающихся государственных деятелей — Ф. М. Ртищева, А. Л. Ордина-Нащокина, князя В. В. Голицына, князя А. Д. Меншикова; деятелей духовного возрождения — например, святого Сергия Радонежского; представителей культуры — Н. И. Новикова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова; историков Отечества — И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Ф. И. Буслаева.

Зачем человек существует
или желает существовать на свете,
или
О взгляде художника на обстановку
и убор изображаемого им лица

*От Автора*¹

Человек — главный предмет искусства. Художник изображает его так, как он сам себя выражает или старается выразить. А человек любит выражать, обнаруживать себя. Понятно его побуждение: мы любим понимать себя и стараемся, чтобы и другие понимали нас так же, как мы сами себе представляемся.

Говорят, лицо есть зеркало души. Конечно, так, если зеркало понимать как окно, в которое смотрит на мир человеческая душа и через которое на нее смотрит мир. Но у нас много и других средств выражать себя. Голос, склад речи, манеры, прическа, платье, походка — все, что составляет физиономию и наружность человека. Все это — окна, через которые наблюдатели заглядывают в нас, в нашу душевную жизнь. И внешняя обстановка, в какой живет человек, выразительна не менее его наружности. Его платье; фасад дома, который он себе строит; вещи, которыми он окружает себя в своей комнате, — все это говорит про него. И прежде всего, говорит ему самому, кто он и зачем существует или желает существовать на свете. Человек любит видеть себя вокруг себя и напоминать другим, что он понимает, что он за человек.

Обстановку, какой окружает себя человек дома и в какой он выходит на улицу, вид, в каком он появляется в обществе, художнику необходимо наблюдать и надобно уметь, т. е. привыкнуть, наблюдать. На это есть свои правила и приметы. Когда вы входите в кабинет к человеку со средствами, у которого все просто и опрятно, по стенам ни одной картинки, на столе ни одной фотографии, никакой блестящей безделки и даже лампа какая-то матовая, будьте уверены, что перед вами человек замкнутый, но доброжелательный, очень мало интересующийся вами при первой встрече, но человек с подвижным и сильным воображением, не нуждающимся во внешних возбуждениях, и, по вашему уходе, он мысленно сделает из вас что угодно, вылепит какой угодно идеал и уж непременно запомнит вас надолго, если только вы оставили в нем сколько-нибудь благоприятное впечатление.

¹ Данный сборник, включающий персоналии русских исторических деятелей, составлен на основании «Курса по русской истории» и отдельных статей автора. Печатается по изданию: *Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. I—IX. (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. редакции.)*

* * *

Я раз пришел к очень богатому барину. В маленьком кабинете, на антресолях его собственного дома, я заметил несколько худеньких стульев, кожаный, сильно просиженный, рваный диван, небольшой письменный стол на курьих ножках с озеровидными пятнами на потертом зеленом сукне. Человек в опрятном фраке и безукоризненных белых перчатках на дорогом подносе поставил на стол кофе и при этом передвинул стоявшие на нем два подсвечника. Тут я заметил, что это были бронзовые подсвечники старинной работы, ценное качество которой без труда почувствовал даже мой не сведущий в таких вещах глаз. Мы долго и оживленно говорили о предмете, сильно его занимавшем; он с видимым любопытством меня выслушивал, при прощании крепко жал мне руку за полученные сведения, а через неделю при встрече в гостях не узнал меня. Есть люди, которые любят щеголять нарядными драгоценными рубищами, чтобы заставить людей запомнить себя, и забывают о собеседнике тотчас, как только расстаются с ним.

Человек украшает то, в чем живет его сердце, во что кладет он свою душу, свои умственные и нравственные усилия. Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами, украшать, освещать и согревать свое гнездо. В Древней Руси было иначе. Дома жили неприспособлено, кое-как. Домой приходили как будто только поесть и отдохнуть, а работали, мыслили и чувствовали где-то на стороне. Местом лучших чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и свое сердце, а вместе с ними и свои недостатки. Иностранцы, въезжая в большой древнерусский город, прежде всего поражались видом многочисленных каменных церквей, внушительно поднимавшихся над темными рядами деревянных домиков, уныло глядевших своими тусклыми слюдяными окнами на улицу или робко выглядывавших своими трубами из-за длинных заборов.

В 1289 г. умирал на Волыни, в местечке Любомль, Владимир Васильевич. Это был очень богатый, могущественный и образованный для своего времени князь, построивший несколько городов и множество церквей, украшавший церкви и монастыри дорогими коваными иконами с жемчугом, серебряными сосудами, золотом шитыми бархатными завесами и книга-

ми в золотых и серебряных окладах. Он умирал от продолжительной и тяжелой болезни, во время которой лежал в своих хоробах на полу на соломе. Или возьмем жившего немного позднее московского князя Ивана Даниловича Калиту. Это был один из самых сильных и богатых князей, если не сильнейший и богатейший князь Северной Руси в начале XIV в., отличавшийся притом большим скопидомством. Между тем, перечисляя в своей первой духовной грамоте (не позднее 1328 г.) наиболее ценную домашнюю движимость, которую он оставлял своим наследникам, он прописывает 12 золотых цепей, 9 поясов золотых и несколько серебряных, женское ожерелье, монисто, 14 женских обручей, чело (женский головной убор. — *Примеч. ред.*), гривну, 7 кожухов и кафтанов, золотую шапку, 6 золотых чаш и чар, 17 штук блюд и другой посуды золотой и серебряной и золотую коробочку — все это, как видите, можно уложить в один порядочный сундук.

Теперь обстановка и убор человека далеко не имеют того значения, какое они имели в старые времена. Современный человек обставляет и убирает себя по своим понятиям и вкусам, по своему взгляду на жизнь и на себя, по той цене, какую он дает самому себе и людскому мнению о себе. Современный человек в своей обстановке и уборе ищет самого себя или показывает себя другим, афиширует, выставляет свою личность и потому заботится о том, чтобы все, чем он себя окружает и убирает, шло ему к лицу. Если исключить редких чудаков, мы обыкновенно стараемся окружить и выставить себя в лучшем виде, показаться себе самим и другим даже лучше, чем мы на самом деле.

Вы скажете: «Это суетность, тщеславие, притворство». Так, совершенно так. Только позвольте обратить ваше внимание на два очень симпатичных побуждения. Во-первых, стараясь показаться себе самим лучше, чем мы на деле, мы этим обнаруживаем стремление к самоусовершенствованию, показываем, что хотя мы и не то, чем хотим казаться, но желали бы стать тем, чем притворяемся. А во-вторых, этим притворством мы хотим понравиться свету, произвести наилучшее впечатление на общество, т. е. выражаем уважение к людскому мнению, свидетельствуем почтение к ближнему, следовательно заботимся об умножении удобств и приятностей общежития, стараемся увеличить в нем количество приятных впечатлений.

Видимая суетность и тщеславие становятся вспомогательным средством или орудием аль-

труизма. Конечно, мы улыбаемся при виде иной дамы в пожилых годах и с юным сердцем, которая любит рядиться в молодые цвета. Но вы отдадите справедливость ее доброму намерению: скрывая свой пожилой возраст, она ведь отклоняет вас от мысли о неприятности, которая ждет и каждого из вас.

В старые времена личности не позволялось быть столь свободной и откровенной. Лицо тонulo в обществе, сословии, корпорации, семье, должно было своим видом и обстановкой выражать и поддерживать не свои личные чувства, вкусы, взгляды и стремления, а задачи и интересы занимаемого им общественного или государственного положения. Над личными вкусами и понятиями, даже над личными доблестями, царили общеобразовательное приличие, общепризнанный обычай. В настоящее время зачастую встречаешь гимназиста, который идет с выражением Наполеона I или по меньшей мере Бисмарка, хотя в кармане у него балльная книжка, где все двойка, двойка и двойка. Встречаешь порой и гимназистку, особенно в очках, что теперь не редкость, которая смотрит императрицей Екатериной II или даже самой Жорж Санд, хотя это просто Машенька Гусева с Зацепы и больше ничего. Теперь такие несвойственные возрасту и положению выражения величия вызывают только веселую улыбку, а в старину они навлекли бы строгое внушение.

В прежние времена положение обязывало и связывало, обстановка, как и сама физиономия человека, в значительной мере имела значение служебного мундира. Каждый ходил в приличном состоянии костюме, выступал присвоенной званию походкой, смотрел на людей штатным взглядом. Занимал человек властное положение в обществе — он должен был иметь властные жесты, говорить властные слова, глядеть повелительным взглядом, с утра до вечера не скидать с себя торжественного костюма, хотя бы все это было ему тяжело и противно. Родился князем Воротынским — поднимай голову выше и держи себя по-княжески, по-воротынски, а стал монахом — так и складывай смиренно руки на груди и береги глаза, опускай их долу, а не рассыпай по встречным и поперечным. Словом, «назвался груздем, так полезай в кузов».

Когда древнерусский боярин в широком охабне и высокой горлатной шапке выезжал со двора верхом на богато убранном ногайском аргамеке, чтобы ехать в Кремль челом ударить государю, всякий встречный человек меньшего

чина по костюму, посадке и самой физиономии всадника видел, что это действительно боярин, и кланялся ему до земли или в землю, как требовал обычай, потому что ведь он — «столп, за который весь мир держится», как однажды выразился про родовитых бояр знаменитый, но неродовитый князь Пожарский. Появись он на улице кое-как, запросто, в растрепанном виде, с легкомысленными, смеющимися глазами, он только неприятно смутил бы встречных, как смутились бы молящиеся в соборном храме, если бы, при полном праздничном освещении, среди всего церковного благолепия, из Царских дверей вышел владыка-митрополит в рубище и с улыбкой на устах.

Припоминаю один давний случай. Давали благотворительный концерт с участием какой-то дивы и с очень повышенными ценами. В первом ряду сидел в блестящих мундирах, фраках и туалетах цвет местного общества. К распорядителю, принимавшему у входа билеты, подходит скромно одетая и со скромным видом дама и подает один из первых номеров. Подозрительный и неловкий распорядитель посмотрел на билет, потом на даму, потом опять на билет и имел неосторожность спросить: «Позвольте узнать, как ваша фамилия?» — «Княгиня такая-то», — тихо ответила дама, выговорив такую фамилию, от которой у распорядителя зарябило в глазах, и он, растерянно извиняясь, повел ее к первому ряду, который встал весь при ее появлении.

В старые времена житейская обстановка предотвращала подобные недоразумения. Отдельные лица прятались за типами; внешними признаками резко отмечались и различались целые классы людей, общественные состояния, а классы, состояния рассматривались не как простые случайности рождения или капризы счастья, а как естественные нормы жизни или предначертания всем правящей всевышней десницы: кому что на роду написано, судьба.

Если вы потрудитесь вникнуть в логику такого исторического разума гения, который строил формы и отношения людского общежития, вам не покажутся странными некоторые явления старинной русской жизни, с которыми вы можете встретиться, изучая русские исторические памятники для своих художественных композиций.

Столь известная в истории раскола, небезызвестная в русской живописи Феодосия Прокофьевна Морозова, урожденная Соковнина, была большая московская боярыня времен царя Алек-

сея Михайловича. Она была замужем за родным братом боярина Бориса Ивановича Морозова, воспитателя и свояка этого царя, и обладала огромным богатством: у нее было 8 тыс. душ крестьян; дома ей прислуживало человек 300 челяди. Вдому у нее всякого добра было больше чем на два с половиной миллиона рублей на нынешние деньги. После, когда ей пришлось встать за благочестие, хотя и ложно понятое, что она считала старой истинной верой, двуперстие и сугубую аллилуйю, она показала, как она мало дорожит всеми дарованными ей житейскими благами, и честью при дворе, и золоченой кроватью дома, не побоялась ни допросов, ни сырого боровского подземелья, куда ее посадили. А посмотрите, как она, оставшись молодой вдовой, в «смирном образе», по-нашему в трауре, выезжала из дома: ее сажали в дорогую карету, украшенную серебром и мозаикой, в шесть или двенадцать лошадей, с гремящими цепями. За нею шло слуг, рабов и рабынь человек со сто, а при особенно торжественном поезде — с двести и с триста, оберегая честь и здоровье своей государыни-матушки. Царица Ассирийская, да и только, скажете вы, — раба суеверного и тщеславно пышного века! Хорошо.

Перейдем к концу XVIII столетия, в век Вольтера, Руссо и императрицы Екатерины II, эпоху разума, свободы, равенства и естественной простоты, когда под горячими лучами разгоревшейся человеческой мысли таяли людские суеверия и предрассудки. Вице-канцлер Екатерины II граф Иван Андреевич Остерман был сын любимца Петра Великого, барона Андрея Ивановича Остермана. Этот вице-канцлер был образованным, неглупым и богатым дипломатом, в домашней жизни не любил роскоши, держал себя важно, но без гордости. На Святой неделе, когда в Петербурге бывало народное гулянье с качелями, он любил поглядеть, как веселится народ. Посмотрите, в какой обстановке появлялся он на гульбище.

Он приезжал один в одноместной позолоченной карете с большими стеклами, точно фонарь, на шестерке белых лошадей; на запятках стояли два гайдук в голубых епанчах, из-под которых выглядывали казакины с серебряными шнурками, а на головах — высокие картузы с перьями и с серебряными бляхами на лицевой стороне, на которых виден был именной вензель господина; перед лошадьми шли два скорохода с булавами в руках, в нарядных костюмах, в шегольских чулках и башмаках, какая бы ни была слякоть.

Украшения, найденные в курганах возле Переславля-Залесского.

Литография из подарочного издания по материалам раскопок. Вторая половина XIX в.

Ныне появление в такой обстановке придало бы народному гулянию характер публичного маскарада под открытым небом и было бы встречено веселым хохотом. Сто лет назад эту процессию столичная толпа встречала с обнаженными головами и почтительным шепотом: «Его сиятельство граф Остерман едет!»

Конечно, и в современной жизни много условного, ненужного для прямых целей общежития, но удобного для прикрытия его недостатков. Люди, которым приходится видеться, но не о чем говорить, поневоле говорят о политике и погоде, чтобы не смотреть молча в глаза друг другу. Но эти условности, еще удержавшиеся в жизни по привычке или необходимости, эти переживания быстро теряют свою обязательность в общем сознании или в общественном мнении. Все более торжествует мысль, что каждый имеет право

Коронационная карета Екатерины II

быть самим собой, если не мешает другим быть тем же и не производит общего затруднения. Мы улыбнемся при виде вороны в павлиньих перьях, но едва ли осудим ее в душе — за что? Если она умеет носить их прилично и не задевая ими простых неукрашенных ворон. В старые времена, при других понятиях и нравах, такая своеобразность была менее удобна и, во-первых, не совсем безопасна. Общественное мнение было более завистливо и нетерпимо, не выносило ничего выдающегося, незаурядного, своеобразного. Будь как все, шагай в ногу со всеми — таково было общее правило.

Известно, что в Древней Руси дамы любили белиться и румяниться. Может быть, в этом обычае был свой смысл: он делал красивых менее красивыми, а дурных приближал к красивым и, таким образом, сглаживал произвол судьбы в неравномерном распределении даров природы. Если так, то обычай имел просветительно-благотворительную цель, заставляя счастливо одаренных поступаться долей полученных даров в пользу обездоленных. Но духовенство не благоволило к обычаю, подозревая в нем иные, худшие побуждения. Однако были софисты, которые замысловато оправдывали этот обычай.

Вот что случилось в 1653 г. в доме муромского воеводы. В праздник собрались к нему гости.

Пришел и протопоп Логгин и, благословляя хозяйку, спросил: «Не белишься ли?» Гости вместе с хозяином подхватили это слово и накинулись на батюшку: «Так что же, что белится? Ты, протопоп, белила хулишь, а ведь без белил и образов не пишут». Рассерженный отец Логгин жестко возразил: «Да если таким составом, каким иконы пишутся, ваши рожи намазать, так всем это, пожалуй, и не понравится». Однако от воеводы полетел в Москву донос к патриарху, что-де муромский протопоп Логгин хулит иконы.

Один иноземец, бывший в Москве при царе Михаиле, рассказывает, что одна красивая московская боярыня не хотела белиться и румяниться. Тогда все дамы боярского круга взелись на нее: «Она осрамить нас вздумала: «Я-де солнце, а вы оставайтесь тусклыми свечками при солнечном сиянии» — и через мужей заставили таки красавицу подчиниться обычаю: «Гори-де и ты, подобно нам, тусклой свечкой при солнечном сиянии. Будь как все, шагай в ногу со всеми».

Вот характерная нравоописательная картинка из записок известного московского подьячего времен царя Алексея Михайловича: «В домах своих живут они, смотря по чину и общественному весу каждого, вообще же без особенных удобств. Малочинному приказному человеку нельзя построить хорошего дома. Оболгут перед

царем, что-де взяточник, мздоимец, казнокрад, и много хлопот наделают тому человеку, пошлют на службу, которой исполнить нельзя, инструкцию такую напишут, что ничего не поймешь, и непременно упекут под суд, а там — батоги и казенное взыскание, продажа движимого и недвижимого с публичного торга. А ежели торговый человек или крестьянин необычно хорошо обстроится, ему податей навалют. И потому, — заключает Котошихин, — люди Московского государства домами живут негораздо устроенными и города и слободы у них неблагоустроенные же».

Впрочем, свобода убора и обстановки стеснялась не одной людской зависимостью, но и соображениями благочиния и благоустройства. При тогдашних нравах свобода могла повести и приводила к вредным излишествам и чудачествам, рассказами о которых так обильны наши предания о добрых старых временах. Правительство тогда считало своим долгом отечески опекать подданных и во имя общественной дисциплины вмешиваться в их частную жизнь. У нас, как и в других странах, к этой цели было направлено целое законодательство о платье и роскоши.

Еще в прошедшем столетии у нас запрещался ввоз из-за границы некоторых дорогих материй и других предметов роскоши. Закон хотел сделать из людской слабости поощрение к труду, образованию и общественному служению, из личной суетности и тщеславия — средство общественного порядка, щегольство превратить в стимул гражданского чувства.

Обстановка должна была стать не просто выставкой богатства, но и отметкой общественного положения, социального распорядка лиц, знаком отличия за умение вести дела и за заслуги обществу и государству. Хочешь блеснуть перед людьми, доставить себе удовольствие, кольнуть их завистливые глаза своей персоной, ливреей лакея или упряжкой — приобрети на это установленный патент трудолюбием и искусством. Да и делай это разумно и осторожно, чтобы люди не посмеялись и над тобой, и над тем, кто патентовал тебе привилегию колоть им глаза своей персоной или упряжкой.

Раскройте жалованную грамоту императрицы Екатерины II на права и выгоды городам Российской империи — вы найдете там ряд статей о том, как могли по закону выезжать люди разных городских состояний. Городское население по грамоте делилось на именитых граждан, купечество трех гильдий, цеховых ремесленников и простых рабочих. Эти звания приобретались

Коронационное платье Екатерины II

городской общественной службой, образованием, искусством и размером капитала, т. е. величиной платимого с него в казну процентного сбора, — значит, трудолюбием, талантом, услугами обществу и государству.

Грамота прямо говорит, что «название городских обывателей есть следствие трудолюбия и добронравия, чем и приобрели отличное состояние». Так к высшему состоянию именитых граждан причислились, наравне с крупнейшими капиталистами, ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, художники четырех художеств, именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, также с академическими аттестатами «и по испытаниям главных российских училищ признанные таковыми». И вот что мы читаем в грамоте о правах выезда для лиц высших городских состояний: «Именитым гражданам дозволяется ездить по городу в карете парой и четверней; купцам первой гильдии дозволяется ездить по городу в карете только парой, купцам второй — в коляске парой, третьей же гильдии запрещается ездить в карете и впрягать зимой и летом больше одной лошади; то же и цеховым ремесленникам или мешанам».

Но довольно, господа! Теперь подсчитаем, до чего мы договорились. Я обещал сказать вам свое мнение о том, как надобно художнику смотреть на обстановку и убор изображаемых им лиц. Этот взгляд устанавливается различным значением обстановки и убора в прежние време-

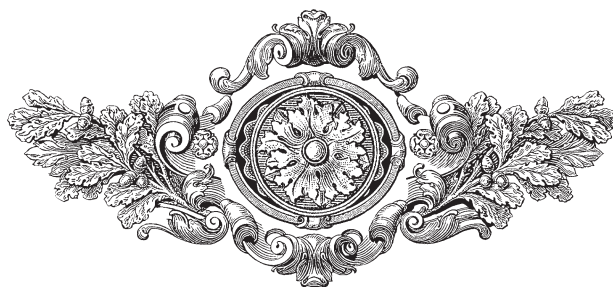
на и теперь — иначе говоря, историческим значением этих житейских подробностей. Это различие, в свою очередь, зависит от неодинакового отношения лица к обществу теперь и в прежние времена. Теперь человек старается сознавать и чувствовать себя свободной цельной единицей общества, которая живет для себя и даже свою деятельность на пользу общества рассматривает как свободное проявление своей личной потребности быть полезным для других.

Согласно с этим он подбирает себе, разумеется в пределах своих средств, обстановку и убор по своим личным вкусам и понятиям, по своему взгляду на жизнь, на людей и на себя. Все, что мы видим на современном человеке и около него, есть его автобиография и самохарактеристика, так сказать. Мода, общепринятый обычай, общеобязательное приличие указывают только границы личного вкуса и произвола. Прежде лицо тонуло в обществе, было дробной величиной «мира», жило одной с ним жизнью, мыслило его общими мыслями, чувствовало его мирскими чувствами, разделяло его повальные вкусы и оптовые понятия, не умея выработать своих особых, личных, розничных, и ему позволялось быть самим собой лишь настолько, насколько это необходимо было для того, чтобы помочь ему жить как все, чтобы поддержать энергию его личного участия в хоровой гармонии жизни или в трудолюбиво-автоматическом жужжании пчелиного улья.

Люди прежних времен умели быть эгоистами не хуже нас, даже бывали чудаками и самодура-

ми, какими не сумеем стать мы, но они менее нас умели быть оригинальными, без странностей, своеобразными и самобытными, без неудобных чудачеств, без потребности в полицейском надзоре. Потому в своей житейской обстановке, как и в своем наружном уборе, они были столь же мало своеобразны и изобретательны, как в своих чувствах и вкусах, повторяли общепринятые завитки, цвета и покрои, исторически сложившиеся, отцами и дедами завещанные.

Теперь обстановка есть характеристика личного настроения и положения человека, его средств и взгляда на свое отношение к обществу. Прежде она была выставкой его общественного положения, выражением не его взгляда на свое отношение к обществу, а взгляда общества на его общественное положение и значение. Ныне обстановка и держит себя, как сам себя понимает, а прежде — как его понимали другие, т. е. общество, в котором он жил. Отсюда следует, что, изображая современного человека, вы, разумеется в указанных пределах общепризнаваемого обычая и приличия, можете придумывать своему герою какую угодно обстановку, платье и прическу, лишь бы все это верно выражало его своеобразный характер, можете быть для него и портными и парикмахерами, только оставаясь художниками и психологами. Но в изображении стародавних людей художник обязан быть историком, окружать и убирать их, как тогда все себя окружали и убирали, хотя бы это окружение и этот убор и не согласовались с характером изображаемого лица.

ПРАВИТЕЛИ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Мы старались рассмотреть факт, скрытый в рассказе Начальной летописи о первых киевских князьях, который можно было бы признать началом Русского государства. Мы нашли, что сущность этого факта такова: приблизительно к половине IX в. внешние и внутренние отношения в торгово-промышленном мире русских городов сложились в такую комбинацию, в силу которой охрана границ страны и ее внешней торговли стала их общим интересом, подчинившим их князю Киевскому и сделавшим Киевское варяжское княжество зерном Русского государства. Этот факт надобно относить ко второй половине IX в., точнее я не решаюсь обозначить его время.

НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Общий интерес, создавший Великое княжество Киевское, охрана границ и внешней торговли, направлял и его дальнейшее развитие, руководил как внутренней, так и внешней деятельностью первых киевских князей. Читая начальный летописный свод, встречаем ряд полуисторических и полусказочных преданий, в которых историческая правда сквозит через прозрачную ткань поэтической саги. Эти предания повествуют о князьях Киевских IX и X вв.— Олеге, Игоре, Святославе, Ярополке, Владимире. Вслушиваясь в эти смутные предания, без особенных критических усилий можно уловить основные побуждения, которые направляли деятельность этих князей.

ПОКОРЕНИЕ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

Киев не мог остаться стольным городом одного из местных варяжских княжеств: он имел общерусское значение как узловой пункт торгово-промышленного движения и потому стал центром политического объединения всей земли. Деятельность Аскольда, по-видимому, ограничивалась ограждением внешней безопасности Киевской области: из летописи не видно, чтобы он покорил какое-либо из околных племен, от которых оборонял своих полян, хотя слова Фотия о Росе, возгордившемся поработением окрестных племен, как будто намекают на это.

Первым делом Олега в Киеве летопись выставляет расширение владений, собиранье восточного славянства под своей властью. Летопись ведет это дело с подозрительной последовательностью, присоединяя к Киеву по одному племени ежегодно. Олег занял Киев в 882 г.; в 883 г. были покорены древляне, в 884 г.— северяне, в 885 г.— радимичи; после того длинный ряд лет оставлен пустым. Очевидно, это порядок летописных воспоминаний или соображений, а не самих событий.

Князь Рюрик.

*Фрагмент росписи Грановитой палаты
Московского Кремля*

К началу XI в. все племена восточных славян были приведены под руку киевского князя; вместе с тем племенные названия появляются все реже, заменяясь областными по именам главных городов. Расширяя свои владения, князья Киевские устанавливали в подвластных странах государственный порядок, прежде всего, разумеется, администрацию налогов.

Старые городские области послужили готовым основанием административного деления земли. В подчиненных городских областях по городам Чернигову, Смоленску и др. князья сажали своих наместников, посадников, которыми были либо их наемные дружинники, либо собственные сыновья и родственники.

Эти наместники имели свои дружины, особые вооруженные отряды, действовали довольно независимо, стояли лишь в слабой связи с государственным центром, с Киевом, были такие же

конинги, как и князь Киевский, который считался только старшим между ними и в этом смысле назывался «великим князем Русским», в отличие от князей местных, наместников. Для увеличения важности киевского князя и эти наместники его в дипломатических документах величались «великими князьями». Так, по предварительному договору с греками 907 г., Олег потребовал «укладов» на русские города Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие города, «по тем бо городом седяху велиици князи, под Олгом суще». Это были еще варяжские княжества, только союзные с Киевским: князь сохранял тогда прежнее военно-дружинное значение, не успев еще получить значения династического.

Генеалогическое пререкание, какое затеял под Киевом Олег, упрекая Аскольда и Дира за то, что они княжили в Киеве, не будучи князьями, «ни рода княжа», — притязание Олега, предупреждавшее ход событий. А еще вероятнее — такое же домышление самого составителя летописного свода.

Некоторые из наместников, покорив то или другое племя, получали его от киевского князя в управление с правом собирать с него дань в свою пользу, подобно тому как на Западе в IX в. датские викинги, захватив ту или другую приморскую область империи Карла Великого, получали ее от франкских королей в лен, т. е. в кормление. Игорев воевода Свенельд, победив славянское племя улучей, обитавшее по нижнему Днепру, получал в свою пользу дань не только с этого племени, но и с древлян, так что его дружина, отроки, жила богаче дружины самого Игоря.

ОХРАНА ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

Другой заботой киевских князей была поддержка и охрана торговых путей, которые вели к заморским рынкам. С появлением печенегов в южнорусских степях это стало очень трудным делом. Тот же император Константин, описывая торговые плаванья Руси в Царьград, ярко рисует затруднения и опасности, какие приходилось ей одолевать на своем пути. Собранный пониже Киева, под Витичевом, караван княжеских, боярских и купеческих лодок в июне отправлялся в путь. Днепровские пороги представляли ему первое и самое тяжелое препятствие.

Вы знаете, что между Екатеринославом и Александровском, там, где Днепр делает боль-

шой и крутой изгиб к востоку, он на протяжении 70 верст пересекается отрогами Авратынских возвышенностей, которые и заставляют его делать этот изгиб. Отроги эти принимают здесь различные формы. По берегам Днепра рассеяны огромные скалы в виде отдельных гор. Сами берега поднимаются отвесными утесами высотой до 35 саженей над уровнем воды и сжимают широкую реку; русло ее загромождается скалистыми островами и перегораживается широкими грядами камней, выступающих из воды заостренными или закругленными верхушками. Если такая гряда сплошь загораживает реку от берега до берега, это — *порог*; гряды, оставляющие проход судам, называются *заборами*. Ширина порогов по течению — до 150 саженей; один тянется даже на 350 саженей. Скорость течения реки вне порогов — не более 25 саженей в минуту, в порогах — до 150 саженей. Вода, ударяясь о камни и скалы, несется с шумом и широким волнением. Значительных порогов теперь считают до десяти, во времена Константина Багрянородного считалось до семи. Небольшие размеры русских однодеревек облегчали им прохождение порогов.

Мимо одних Русь, высадив челядь на берег, шестами проталкивала свои лодки, выбирая в реке вблизи берега места, где было поменьше камней. Перед другими, более опасными, она высаживала на берег и выдвигала в степь вооруженный отряд для охраны каравана от поджидавших его печенегов, вытаскивала из реки лодки с товарами и тащила их волоком или неслла на плечах и гнала скованную челядь. Выбравшись благополучно из порогов и принеся

благодарственные жертвы своим богам, она спускалась в днепровский лиман, отдыхала несколько дней на острове Св. Елевферия (ныне Березань), исправляла судовые снасти, готовясь к морскому плаванию, и, держась берега, направлялась к устьям Дуная, все время преследуемая печенегами. Когда волны прибывали лодки к берегу, русы высаживались, чтобы защитить товарищей от подстерегавших их преследователей. Дальнейший путь от устьев Дуная был безопасен.

Читая подробное описание этих цареградских поездок Руси у императора, живо чувствуешь, как нужна была русской торговле вооруженная охрана при движении русских купцов к их заморским рынкам. Недаром Константин заканчивает свой рассказ замечанием, что это — мучительное плавание, исполненное невзгод и опасностей.

ОБОРОНА СТЕПНЫХ ГРАНИЦ

Но, засаривая степные дороги русской торговли, кочевники беспокоили и степные границы Русской земли. Отсюда третья забота киевских князей — оградить и оборонять пределы Руси от степных варваров. С течением времени это дело становится даже господствующим в деятельности киевских князей вследствие все усиливавшегося напора степных кочевников.

Олег, по рассказу «Повести временных лет», как только утвердился в Киеве, начал города ставить вокруг него. Владимир, став христианином, сказал: «Худо, что мало городов около Киева» — и начал строить города по Десне, Трубежу, Стугне, Суле и другим рекам. Эти укрепленные пункты заселялись боевыми людьми, «мужами лучшими», по выражению летописи, которые вербовались из разных племен, славянских и финских, населявших Русскую равнину.

С течением времени эти укрепленные места соединялись между собой земляными валами и лесными засеками. Так, по южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были в X и XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых «застав», городков, чтобы сдерживать нападения кочевников. Все княжение Владимира Святого прошло в упорной борьбе с печенегами, которые раскинулись по обеим сторонам нижнего Днепра восьмью ордами, делившимися каждая на пять колен.

КАРТА РУССКОЙ ЗЕМЛИ В IX ВЕКЕ

Около половины X в., по свидетельству Константина Багрянородного, печенеги кочевали на расстоянии одного дня пути от Руси, т. е. от Киевской области. Если Владимир строил города по реке Стугне (правый приток Днепра), значит, укрепленная южная степная граница Киевской земли шла по этой реке на расстоянии не более одного дня пути от Киева. В начале XI в. встречаем указание на успех борьбы Руси со степью. В 1006—1007 гг. через Киев проезжал немецкий миссионер Бруно, направляясь к печенегам для проповеди Евангелия. Он остановился погостить у князя Владимира, которого в письме к императору Генриху II называет сеньором Русов (*senior Ruzorum*).

Князь Владимир уговаривал миссионера не ездить к печенегам, говоря, что у них он не найдет душ для спасения, а скорее сам погиб-

Карта Русской земли в IX веке

нет позорной смертью. Князь не мог уговорить Бруно и вынужден был проводить его со своей дружиной (*cum exercitu*) до границ своей земли, «которые он со всех сторон оградил крепким частоколом на весьма большом протяжении по причине скитающихся около них неприятелей».

В одном месте князь Владимир провел немцев воротами через эту линию укреплений и, остановившись на сторожевом степном холме, послал сказать им: «Вот я довел вас до места, где заканчивается моя земля и начинается неприятельская». Весь этот путь от Киева до укрепленной границы пройден был в два дня.

Мы заметили выше, что в половине X в. линия укреплений по южной границе шла на расстоянии одного дня пути от Киева. Значит, в продолжение полувековой упорной борьбы при Владимире, Русь успела пробиться в степь на один день пути, т. е. передвинуть укрепленную границу на линию реки Рось, где преемник Владимира Ярослав «поча ставит городы», населяя их пленными ляхами. Так первые киевские князья продолжали начавшуюся еще до них деятельность вооруженных торговых городов Руси, поддерживая сношения с приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси от степных ее соседей.

НАСЕЛЕНИЕ И ПРЕДЕЛЫ РУССКОЙ ЗЕМЛИ В XI ВЕКЕ

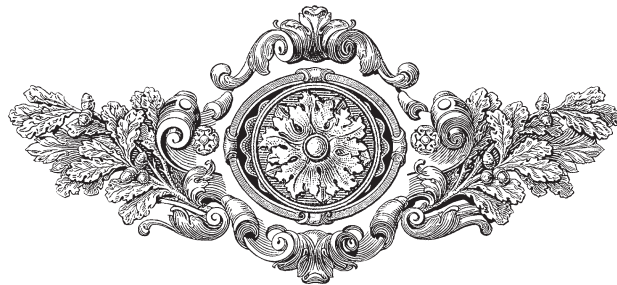
Описав деятельность первых киевских князей, сведем ее результаты, бросим беглый взгляд на состояние Руси около половины XI в. Своим мечом первые киевские князья очертили довольно широкий круг земель, политическим центром которых был Киев.

Население этой территории было довольно пестрое. В состав его постепенно вошли не только все восточные славянские племена, но и некоторые из финских: чудь прибалтийская, весь белозерская, меря ростовская и мурома по нижней Оке. Среди этих инородческих племен рано появились русские города. Так, среди прибалтийской чуди при Ярославе возник Юрьев (Дерпт), названный так по христианскому имени Ярослава; еще раньше появляются правительственные русские средоточия среди финских племен на востоке, среди муромы, мери и веси, — Муром, Ростов и Белозерск. Ярослав построил еще

на берегу Волги город, названный по его княжескому имени Ярославлем.

Русская территория, таким образом, простиралась от Ладожского озера до устьев реки Рось, правого притока Днепра, и Ворсклы или Псёла, левых притоков; с востока на запад она шла от устья Клязьмы, на которой при Владимире Мономахе возник город Владимир (Залесский), до области верховьев Западного Буга, где еще раньше, при Владимире Святом, возник другой город — Владимир (Волынский).

Страна древних хорватов Галиция была в X и XI вв. спорным краем, переходившим между Польшей и Русью из рук в руки. Нижнее течение реки Оки, которая была восточной границей Руси, и низовья южных рек — Днепра, Восточного Буга и Днестра — находились, по-видимому, вне власти киевского князя. В стороне Русь удерживала еще за собой старую колонию Тмутаракань, связь с которой поддерживалась водными путями по левым притокам Днепра и рекам Азовского моря.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Обращаясь к изучению политических следствий русской колонизации Верхнего Поволжья, будем постоянно помнить, что мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде. Я теперь же укажу эти основы, чтобы вам удобнее было следить за тем, как они вырабатывались и закладывались в подготовлявшийся новый порядок. Во-первых, государственный центр Верхнего Поволжья, долго блуждавший между Ростовом, Суздалем, Владимиром и Тверью, наконец утверждается на реке Москве. Потом, в лице московского князя, получает полное выражение новый владетельный тип, созданный усилиями многочисленных удельных князей Северной Руси. Это князь-вотчинник, наследственный оседлый землевладелец, сменивший своего южного предка, князя-родича, подвижного очередного соправителя Русской земли. Этот новый владетельный тип и стал коренным и самым деятельным элементом в составе власти московского государя. Переходим к обзору фактов, в которых медленно и постепенно проявлялись обе основы и новый политический тип, а потом и новый государственный центр.

Политические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья начали обнаруживаться уже при сыне того суздальского князя, в княжение которого шел усиленный ее прилив, — при Андрее Боголюбском. Сам этот князь Андрей является крупной фигурой, на которой наглядно отразилось действие колонизации. Отец его, Юрий Долгорукий, один из младших сыновей Мономаха, был первый в непрерывном ряду князей Ростовской области, которая при нем и обособилась в отдельное княжество: до того времени это чудское захолустье служило прибавкой к южному княжеству Переяславскому. Здесь, на севере, кажется, и родился князь Андрей в 1111 г.

Это был настоящий северный князь, истый суздалец-залешанин по своим привычкам и понятиям, своему политическому воспитанию. На севере прожил он большую половину своей жизни, совсем не видел юга. Отец дал ему в управление Владимир-на-Клязьме, маленький, недавно возникший суздальский пригород, и там Андрей прокняжил далеко за тридцать лет своей жизни, не побывав в Киеве. Южная, как и северная, летопись молчит о нем до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцом и двоюродным братом Изяславом Волынским с 1146 г. Андрей появляется на юге впервые не раньше 1149 г., когда Юрий, восторжествовав над племянником, уселся на киевском столе. С тех пор и заговорила об Андрее Южная Русь, и южнорусская летопись сообщает несколько рассказов, живо рисующих его физиономию.

Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений. Он в боевой удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу, любил забываться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Все это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и усобицы раз-

вивали удалство в князьях, но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем. У Андрея всегда все было в порядке и наготове; его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть настороже и всюду вносить порядок он напоминал своего деда — Владимира Мономаха.

Несмотря на свою боевую удачу, Андрей не любил войны и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом. Южнорусский летописец с удивлением отмечает в нем эту черту характера, говоря: «Не величав был Андрей на ратный чин», т. е. не любил величаться боевой доблестью, но ждал похвалы лишь от Бога. Точно так же Андрей совсем не разделял страсти своего отца к Киеву, был вполне равнодушен к *матери городов русских* и ко всей Южной Руси. Когда в 1151 г. Юрий был побежден Изяславом, он плакал горькими слезами, жалея, что ему приходится расстаться с Киевом. Дело было к осени. Андрей сказал отцу: «Нам теперь, батюшка, здесь делать больше нечего, уйдем-ка отсюда затепло» (пока тепло). По смерти Изяслава, в 1154 г. Юрий прочно уселся на киевском столе и просидел до самой смерти в 1157 г. Самого надежного из своих сыновей, Андрея, он посадил у себя под рукой в Вышгороде близ Киева, но Андрею не жилось на юге. Не спросившись отца, он тихонько ушел на свой родной суздальский север, захватив с собой из Вышгорода принесенную из Греции чудотворную икону Божьей Матери, которая стала потом главной святыней Суздальской земли под именем Владимирской.

Один позднейший летописный свод так объясняет этот поступок Андрея: «Смушался князь Андрей, видя нестроение своей братии, племянников и всех сродников своих: вечно они в мятеже и волнении, все добиваясь великого княжения Киевского, ни у кого из них ни с кем мира нет, и оттого все княжения запустели, а со стороны степи все половцы выпленили; скорбел об этом много князь Андрей в тайне своего сердца и, не сказавшись отцу, решился уйти к себе в Ростов и Суздаль — там-де поспокойнее».

По смерти Юрия на киевском столе сменилось несколько князей, и наконец уселся сын Юрьева соперника, Андреев двоюродный племянник Мстислав Изяславич Волынский. Андрей,

Юрий Долгорукий.

С рисунка П. В. Верещагина

считая себя старшим, выждал удобную минуту и послал на юг с сыном суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих других князей, недовольных Мстиславом. Союзники взяли Киев копьем и на щит, приступом, и разграбили его (1169). Победители, по рассказу летописца, не щадили ничего в Киеве, ни храмов, ни жен, ни детей. Были тогда в Киеве на всех людях стон и туга, скорбь неутешная и слезы непрестанные. Но Андрей, взяв Киев своими полками, не поехал туда сесть на стол отца и деда. Киев был отдан младшему Андрееву брату Глебу. Андреевич, посадив дядю в Киеве, с полками своими ушел домой к отцу на север «с честью и славою великою», — замечает северный летописец, и «с проклятием», — добавляет летописец южный.

Новые черты междукняжеских отношений

Никогда еще не бывало такой беды с матерью городов русских. Разграбление Киева своими было резким проявлением его упадка, как земского и культурного средоточия. Видно было, что политическая жизнь текла параллельно с народной и даже вслед за нею, по ее руслу. Северный князь только что начинал ломать южные княжеские понятия и отношения, унаследованные

от отцов и дедов, а глубокий перелом в жизни самой земли уже чувствовался больно, разрыв народности обозначился кровавой полосой, отчуждение между северными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовым фактом. За 12 лет до киевского погрома 1169 г., тотчас по смерти Юрия Долгорукого, в Киевской земле избивали приведенных им туда суздальцев по городам и по селам.

По смерти брата Глеба Андрей отдал Киевскую землю своим смоленским племянникам Ростиславичам. Старший из них, Роман, сел в Киеве; младшие его братья, Давид и Мстислав, поместились в ближайших городах. Сам Андрей носил звание великого князя, живя на своем суздальском севере. Но Ростиславичи раз показали неповиновение Андрею, и тот послал к ним посла с грозным приказанием: «Не ходишь ты, Роман, в моей воле со своей братией, так пошел вон из Киева; ты, Мстислав, вон из Белгорода, а ты, Давид, вон из Вышгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там как знаете». В первый раз великий князь, названный отец для младшей братии, обращался так не по-отчески и не по-братски со своими родичами. Эту перемену в обращении с особенной горечью почувствовал младший и лучший из Ростиславичей, Мстислав Храбрый. Он в ответ на повторенное требование Андрея остриг бороду и голову Андрееву послу и отпустил его назад, велел сказать Андрею: «Мы до сих пор признавали тебя отцом своим по любви, но если ты посылаешь к нам с такими речами не как к князьям, а как к подручникам и простым людям, то делай, что задумал, а нас Бог рассудит». Так в первый раз произнесено было в княжеской среде новое политическое слово «подручник», т. е. впервые сделана была попытка заменить неопределенные, полюбовные родственные отношения князей по старшинству обязательным подчинением младших старшему, политическим их подданством наряду с простыми людьми.

Обособление Суздальского великокняжения

Таков ряд необычных явлений, обнаружившихся в отношениях Андрея Боголюбского к Южной Руси и другим князьям. До сих пор звание старшего великого князя нераздельно соединено было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве. Князь,

сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей — таков был порядок, считавшийся правильным. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев, сестя на стол отца и деда. Известное словцо Изяслава о голове, идущей к месту, получило неожиданное применение: наперекор обычному стремлению младших голов к старшим местам, теперь старшая голова добровольно остается на младшем месте.

Таким образом, княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти. Вместе с этим изменилось и положение Суздальской области среди других областей Русской земли, и ее князь стал в небывалое к ней отношение. До сих пор князь, который достигал старшинства и садился на киевском столе, обыкновенно покидал свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владельцу. Каждая княжеская волость была временным, очередным владением известного князя, оставаясь родовым, не личным достоянием. Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства.

Таков ряд новых явлений, обнаружившихся в деятельности Андрея по отношению к Южной Руси и к другим князьям; эта деятельность была попыткой произвести переворот в политическом строе Русской земли. Так взглянули на ход дел и древние летописцы, отражая в своем взгляде впечатление современников Андрея Боголюбского. По их взгляду, со времени этого князя великое княжение, до тех пор единое Киевское, разделилось на две части: князь Андрей со своей Северной Русью отделился от Руси Южной, образовал другое великое княжение, Суздальское, и сделал город Владимир великокняжеским столом для всех князей.

Отношения Андрея к родичам, городам и дружине

Рассматривая события, происшедшие в Суздальской земле при Андрее и следовавшие за его смертью, мы встречаем признаки другого переворота, совершавшегося во внутреннем строе са-

И. Я. Билибин. Андрей Боголюбский

мой Суздальской земли. Князь Андрей и дома, в управлении своей собственной волостью, действовал не по-старому. По обычаю, заводиншемуся с распадением княжеского рода на линии и с прекращением общей очереди владения, старший князь известной линии делил управление принадлежавшей этой линии областью с ближайшими младшими родичами, которых сажал вокруг себя по младшим городам этой области. Но в Ростовской земле среди пересе-

ленческого брожения все обычаи и отношения колебались и путались.

Юрий Долгорукий предназначал Ростовскую землю младшим своим сыновьям, и старшие города Ростов с Суздаlem заранее, не по обычаю, на том ему крест целовали, что примут к себе меньших его сыновей, но по смерти Юрия позвали к себе старшего сына Андрея. Тот, со своей стороны, благоговейно чтит память своего отца и, однако, вопреки его воле, пошел на зов на-

рушителей крестного целования. Но он не хотел делиться доставшейся ему областью с ближайшими родичами и погнал из Ростовской земли своих младших братьев, как соперников, у которых перехватил наследство, а вместе с ними, кстати, прогнал и своих племянников. Коренные области старших городов в Русской земле управлялись, как мы знаем, двумя аристократиями, служилой и промышленной, которые имели значение правительственных орудий или советников, сотрудников князя.

Служилая аристократия состояла из княжеских дружинников, бояр; промышленная — из верхнего слоя неслужилого населения старших городов, который носил название лучших, или лепших, мужей и руководил областными обществами посредством демократически составленного городского веча. Вторая аристократия, впрочем, выступает в XII в. больше оппозиционной соперницей, чем сотрудничей князя. Обе эти аристократии встречаем и в Ростовской земле уже при Андреевом отце Юрии, но Андрей не поладил с обоими этими руководящими классами суздальского общества. По заведенному порядку он должен был сидеть и править в старшем городе своей волости при содействии и по соглашению с его вечем.

В Ростовской земле было два таких старших вечевых города: Ростов и Суздаль. Андрей не любил ни того ни другого города и стал жить в знакомом ему смолоду маленьком пригороде Владимире-на-Клязьме, где не были в обычае вечевые сходки, сосредоточил на нем все свои заботы, укреплял и украшал, сильно устроил его, по выражению летописи, выстроил в нем великолепный соборный храм Успения, «чудную Богородицу златоверхую», в котором поставил привезенную им с юга чудотворную икону Божией Матери. Расширяя этот город, Андрей наполнил его, по замечанию одного летописного свода, «купцами хитрыми, ремесленниками и рукодельниками всякими». Благодаря этому пригород Владимир при Андрее превзошел богатством и населенностью старшие города своей области. Такое необычное перенесение княжеского стола из старших городов в пригород сердило ростовцев и суздальцев, которые роптали на Андрея, говоря: «Здесь старшие города Ростов да Суздаль, а Владимир — наш пригород».

Точно так же не любил Андрей и старшей отцовской дружины. Он даже не делил с боярами своих развлечений, не брал их с собой на охоту, велел им, по выражению летописи, «особно уте-

ху творити, где им годно», а сам ездил на охоту лишь с немногими отроками, людьми младшей дружины.

Наконец, желая властвовать без раздела, Андрей погнал из Ростовской земли вслед за своими братьями и племянниками и передних мужей отца своего, т. е. больших отцовых бояр. Так поступал Андрей, по замечанию летописца, желая быть самовластцем всей Суздальской земли. За эти необычные политические стремления Андрей и заплатил жизнью. Он пал жертвой заговора, вызванного его строгостью. Андрей казнил брата своей первой жены, одного из знатных слуг своего двора, Кучковича. Брат казненного с другими придворными составил заговор, от которого и погиб Андрей в 1174 г.

Личность князя Андрея

От всей фигуры Андрея веет чем-то новым, но едва ли эта новизна была добрая. Князь Андрей был суровый и своенравный хозяин, который во всем поступал по-своему, а не по старине и обычаю. Современники заметили в нем эту двойственность, смесь силы со слабостью, власти с капризом. «Такой умник во всех делах, — говорит о нем летописец, — такой доблестный, князь Андрей погубил свой смысл невоздержанием», т. е. недостатком самообладания. Проявив в молодости на юге столько боевой доблести и политической рассудительности, он потом, живя сиднем в своем Боголюбове, наделал немало дурных дел. Собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывал паутину властолюбивых козней по всей Русской земле из своего темного угла, на Клязьме. Повести дела так, чтобы 400 новгородцев, на Белоозере, обрали в бегство семитысячную суздальскую рать, потом организовать такой поход на Новгород, после которого новгородцы продавали пленных суздальцев втрое дешевле овец, — все это можно было сделать и без Андреева ума.

Прогнав из Ростовской земли больших отцовых бояр, он окружил себя такой дворней, которая, в благодарность за его барские милости, отвратительно его убила и разграбила его дворец. Он был очень набожен и нищелюбив, настроил много церквей в своей области, перед заутренней сам зажигал свечи в храме, как заботливый церковный староста, велел развозить по улицам пищу и питье для больных и нищих. Отечески нежно любил свой город Владимир, хотел сделать из него другой Киев, даже с особым, вто-

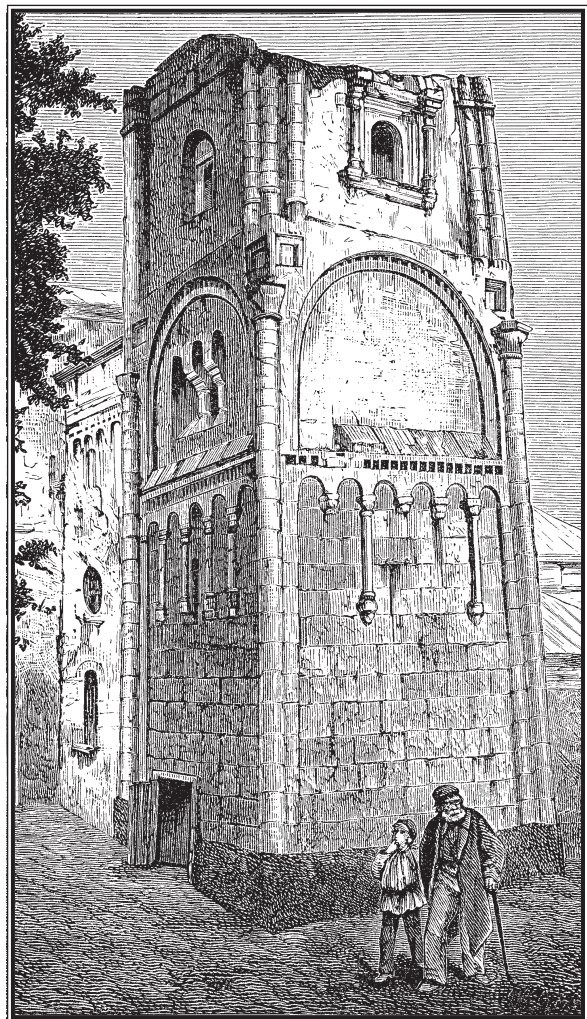
рым русским митрополитом, построил в нем известные Золотые ворота и хотел неожиданно открыть их к городскому празднику Успения Божией Матери, сказав боярам: «Вот сойдутся люди на праздник и увидят ворота». Но известка не успела высохнуть и укрепиться к празднику, и, когда народ собрался на праздник, ворота упали и накрыли 12 зрителей. Взмолился князь Андрей к иконе Пресвятой Богородицы: «Если Ты не спасешь этих людей, я, грешный, буду повинен в их смерти». Подняли ворота, и все придавленные ими люди оказались живы и здоровы. И город Владимир был благодарен своему попечителю: гроб убитого князя разрывающиеся владимирцы встретили причитанием, в котором слышится зародыш исторической песни о только что угасшем богатыре.

Со времени своего побега из Вышгорода, в 1155 г., Андрей, в продолжение почти 20-летнего безвыездного сидения в своей волости, устроил в ней такую администрацию, что тотчас по смерти его там наступила полная анархия. Всюду происходили грабежи и убийства, избивали посадников, тиунов и других княжеских чиновников, и летописец с прискорбием упрекает убийц и грабителей, что они делали свои дела напрасно, потому что где закон, там и обид, несправедливей много.

Никогда еще на Руси ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими постыдными явлениями. Их источник надобно искать в дурном окружении, какое создал себе князь Андрей своим произволом, неразборчивостью к людям, пренебрежением к обычаям и преданиям. В заговоре против него участвовала даже его вторая жена, родом из Камской Болгарии, мстившая ему за зло, какое причинил Андрей ее родине. Летопись глухо намекает, как плохо слажено было общество, в котором вращался Андрей. «Ненавидели князя Андрея свои домашние,— говорит она,— и была брань лютая в Ростовской и Суздальской земле».

Современники готовы были видеть в Андрее проводника новых государственных стремлений. Но его образ действий возбуждает вопрос, руководился ли он достаточно обдуманно началами ответственного самодержавия или только инстинктами самодурства.

В лице князя Андрея великоросс впервые выступал на историческую сцену, и это выступление нельзя признать удачным. В трудные минуты этот князь способен был развить громадные силы и разменялся на пустяки и ошибки в спокойные,

Остатки палат XII века
князя Андрея Боголюбского
во Владимирской губернии.

Гравюра. XIX в.

досужие годы. Не все в образе действий Андрея было случайным явлением, делом его личного характера, исключительного темперамента. Можно думать, что его политические понятия и правительственные привычки в значительной мере были воспитаны общественной средой, в которой он вырос и действовал. Этой средой был пригород Владимир, где Андрей провел большую часть своей жизни. Суздальские пригороды составляли тогда особый мир, созданный русской колонизацией, с отношениями и понятиями, каких не знали в старых областях Руси. События, следовавшие за смертью Андрея, ярко освещают этот мир.

Усобица после его смерти

По смерти Андрея в Суздальской земле разыгралась усобица, по происхождению своему очень похожая на княжеские усобицы в старой Киевской Руси. Случилось то, что часто бывало там: младшие дяди заспорили со старшими племянниками. Младшие братья Андрея, Михаил и Всеволод, поссорились со своими племянниками, детьми их старшего брата, давно умершего, с Мстиславом и Ярополком Ростиславичами.

Таким образом, местному населению открылась возможность выбора между князьями. Старшие города Ростов и Суздаль с боярами Ростовской земли позвали Андреевых племянников, но город Владимир, недавно ставший великокняжеским стольным городом, позвал к себе братьев Андрея, Михаила и Всеволода: из этого и вышла усобица. В борьбе сначала одержали верх племянники и сели: старший — в старшем городе области Ростове, младший — во Владимире. Но потом Владимир поднялся на племянников и на старшие города и опять призвал к себе дядей, которые на этот раз восторжествовали над соперниками и разделили между собой Суздальскую землю, бросив старшие города и рассевшись по младшим, во Владимире и Переяславле. По смерти старшего дяди, Михаила, усобица возобновилась между младшим Всеволодом, которому присягнули владимирцы и переяславцы, и старшим племянником Мстиславом, за которого опять стали ростовцы с боярами. Мстислав проиграл дело, разбитый в двух битвах, под Юрьевом и на реке Колокше. После того Всеволод остался один хозяином в Суздальской земле. Таков был ход суздальской усобицы, длившейся два года (1174—1176).

Но по ходу своему эта северная усобица не во всем была похожа на южные: она осложнилась явлениями, каких не заметно в княжеских распрях на юге. В областях Южной Руси местное неслужилое население обыкновенно довольно равнодушно относилось к княжеским распрям. Боролись, собственно, князья и их дружины, а не земли, не целые областные общества, боролись Мономаховичи с Ольговичами, а не Киевская или Волынская земля с Черниговской, хотя областные общества волей или неволей вовлекались в борьбу князей и дружин. Напротив, в Суздальской земле местное население приняло деятельное участие в ссоре своих князей. За дядей стоял прежний пригород Владимир, недавно ставший стольным городом великого князя. Племянников дружно поддержи-

вали старшие города земли Ростов и Суздаль, которые действовали даже энергичнее самих князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточение против Владимира. В других областях старшие города присваивали себе право выбирать на вече посадников для своих пригородов. Ростовцы во время усобицы также говорили про Владимир: «Это наш пригород — сожжем его либо пошлем туда своего посадника; там живут наши холопы-каменщики». Ростовцы, очевидно, намекали на ремесленников, которыми Андрей населил Владимир. Но и этот пригород Владимир не действовал в борьбе одиноко: к нему примыкали другие пригороды Суздальской земли. «А с переяславцы, — замечает летописец, — имяхуть володимирцы едино сердце». И третий новый городок, Москва, тянул в ту же сторону и только из страха перед князьями-племянниками не решился принять открытое участие в борьбе.

Земская вражда не ограничивалась даже старшими городами и пригородами: она шла глубже, захватывала все общество сверху донизу. На стороне племянников и старших городов стала и вся старшая дружина Суздальской земли; даже дружина города Владимира, в числе 1500 человек, по приказу ростовцев примкнула к старшим городам и действовала против князей, которых поддерживали горожане Владимира. Но если старшая дружина даже в пригородах стояла на стороне старших городов, то низшее население самих старших городов стало на стороне пригородов. Когда дяди в первый раз восторжествовали над племянниками, суздальцы явились к Михаилу и сказали: «Мы, князь, не воевали против тебя с Мстиславом, а были с ним одни наши бояре; так ты не сердись на нас и ступай к нам». Это говорили, очевидно, депутаты от простонародья города Суздаля. Значит, все общество Суздальской земли разделилось в борьбе горизонтально, а не вертикально: на одной стороне стали обе местные аристократии, старшая дружина и верхний слой неслужилого населения старших городов, на другой — их низшее население вместе с пригородами.

На такое социальное разделение прямо указал один из участников борьбы, дядя Всеволод. Накануне битвы под Юрьевом он хотел уладить дело без кровопролития и послал сказать племяннику Мстиславу: «Если тебя, брат, привела старшая дружина, то ступай в Ростов, там мы и помиримся; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом Бог привел да владимирцы с переяславцами».

МОСКВА И ЕЕ КНЯЗЬА В УДЕЛЬНЫЕ ВЕКА¹

Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли. Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом Божиим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния. Всех удачнее пользовались этим батогом великие князья Московские против своей братии. Особенно явственно обнаружилось это во время единственной усобицы, разыгравшейся между московскими князьями в княжение Василия Темного. Эта усобица произошла вследствие притязания князя Юрия Галицкого, дяди Василия, занять великокняжеский стол помимо племянника. Этот дядя, опираясь на свое старшинство и ссылаясь на духовную своего отца Дмитрия Донского, не хотел признать старшим десятилетнего племянника и в 1431 г. поехал в Орду тягаться с ним. Успех Юрьева притязания перенес бы великое княжение в другую линию московского княжеского дома, расстроил бы порядки, завопившиеся Москвой целое столетие, и грозил бесконечной усобицей. Хан рассек узел: отуманенный льстиво-насмешливой речью ловкого московского боярина Всевожского, доказывавшего, что источник права — его ханская милость, а не старые летописцы и не мертвые грамоты (т. е. духовная Донского), хан решил дело в пользу Василия.

Другое благоприятное условие заключалось в новом порядке преемства великокняжеской власти. Значение, какое приобретало Московское княжество своими успехами, все доставалось великому князю, старшему из московских князей, который, сверх своего московского удела, владел еще великокняжеской Владимирской областью. С Ивана Калиты в продолжение ста лет таким великим князем становился почти всегда старший сын предшествовавшего великого князя, у которого в минуту смерти обыкновенно не оказывалось налицо младших братьев.

Случилось так, что московский княжеский дом не разрастался в боковые ветви; младшие дяди вовремя уходили со сцены, не становясь поперек дороги старшим племянникам. Потому переход великокняжеского достоинства в нисходящей линии до смерти Калитина правнука, великого князя Василия Дмитриевича, не вызывал спора среди московских князей, а князьям других линий, соперничавшим с московскими, ни суздальским, ни тверским, не удалось перебить у них великого княжения. Случайность, повторяясь, становится прецедентом, который силой

¹ Этим отрывком из II части «Курса русской истории» заканчивается обзор возвышения Московского княжества (до Ивана III), постепенного расширения его территории и усиления власти великого, т. е. старшего князя московского. Ряд благоприятных условий содействовал успехам Москвы. Одно из них заключалось в отношениях к татарам. Как ни бедственно было для Руси татарское иго, оно возбуждало силы поработанного, но не павшего народа, заставляя его искать выхода из тяжелого положения. Властвуя над Русью издали, завоеватели не навязывали ей своих порядков и даже мешали развитию внутренней неурядицы господствовавшего в ней удельного порядка. Гроза ханского гнева иногда удерживала задорных князей от усобиц. — *Примеч. В. О. Ключевского.*

Иван I Калита
(1284/1288—1340)

привычки превращается в обязательное требование, в правило. Неоспариваемый переход великокняжеской власти от отца к сыну, повторявшийся в продолжение нескольких поколений, стал, по выражению летописи, «отчеством и дедством», обычаем, освященным примерами отцов и дедов, на который общество начало смотреть как на правильный порядок, забывая о прежнем порядке преемства по старшинству.

И это условие резко вскрылось в той же московской усобице. Продолженная по смерти Юрия его сыновьями, она взволновала все русское общество, руководящие классы которого, духовенство, князья, бояре и другие служилые люди, решительно стали за Василия. Галицкие князья встречены были в Москве как чужие и как похитители чужого и чувствовали себя здесь одиноко, окруженные недоверием и недоброжелательством. Когда сын Юрия Шемяка, по смерти отца наследник его притязаний, нарушил свой договор с Василием, последний отдал дело на суд духовенства. Духовный собор из пяти епископов с несколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) в 1447 г. обратился к нарушителю договора с грозным посланием, и здесь

иерархи высказали свой взгляд на политический порядок, какой должен существовать на Руси. Духовенство решительно восстало против притязаний Шемякина отца на великокняжеский стол, признавая исключительное право на него за племянником, старшим сыном предшествовавшего великого князя. Притязание Юрия, помыслившего беззаконно о великом княжении, духовенство сравнивает с грехом праотца Адама, возмевшего желание «равнобожества», внушенное сатаной. «Сколько трудов понес отец твой, — писали владыки, — сколько истомы потерпело от него христианство, но великокняжеского стола он все-таки не получил, чего ему не дано Богом, ни *земской изначала пошлиной*».

Итак, духовенство считало единственно правильным порядком преемство великокняжеского стола в нисходящей линии, а не по очереди старшинства, и даже наперекор истории признавало такой порядок исконной «*земской пошлиной*», т. е. старинным обычаем Русской земли. Этот новый порядок пролагал дорогу к установлению единовластия, усиливая одну прямую старшую линию московского княжеского дома, устраняя и ослабляя боковые младшие. И усобица еще не закончилась, а глава русской иерархии уже провозглашал единовластие законного московского великого князя совершившимся фактом, перед которым обязано преклоняться все русское общество, и князья, и простые люди. Новопосвященный митрополит Иона в известительном окружном послании 1448 г. о своем посвящении призывает князей, *панов*, бояр, воевод и все христоименитое «людство» бить челом своему государю, великому князю Василию, отдаться в его волю; если же они этого не сделают и допустят Шемяку возобновить усобицу, с них взыщется вся пролитая кровь христианская, в земле их никто не будет больше зваться христианином, ни один священник не будет священствовать, все церкви Божии будут затворены.

В деятельной поддержке, оказанной обществом во время усобицы новому порядку преемства великокняжеской власти, сказалось третье и самое важное условие, упрочившее политические и национальные успехи Московского княжества. Как скоро из среды удельных князей поднялся один с такими средствами, какими обладал, со стремлениями, какие проводил преемственный ряд великих князей Московских, — вокруг него начали сосредоточиваться политические помыслы и народные интересы всего северорусского населения. Это население ждало

такого вождя, и это ожидание шумно проявилось в усобице. Здесь фамильные усилия московских великих князей встретились с народными нуждами и стремлениями. Первоначальной движущей пружиной деятельности этих князей был династический интерес, во имя которого шло и внешнее усиление их княжества, и внутреннее сосредоточение власти в одном лице.

Но этот фамильный, своекорыстный интерес был живо поддержан всем населением Северной Руси с духовенством во главе, лишь только почувствовали здесь, что он совпадает с «общим добром всего нашего православного христианства», как писал в одном послании тот же митрополит Иона. Эта поддержка объясняется фактом, незаметно совершившимся в Северной Руси под шум княжеских усобиц и татарских погромов. Мы знаем, какие обстоятельства заставили массу русского населения передвинуться из старой днепровской Руси в область верхней Волги. Это передвижение сопровождалось раздроблением народных сил, выразившимся в удельном дроблении верхневолжской Руси. Очутившись в новых условиях в непривычной обстановке, среди чуждого им туземного населения, пришельцы с юга не могли ни восстановить старого, ни скоро установить нового общего порядка и рассыпались по многочисленным, все мельчавшим уделам. Но они не смыкались в замкнутые удельные миры, отчужденные друг от друга, как были отчуждены удельные князья.

Народное брожение продолжалось, и сами князья поддерживали его своими усобицами: летописи прямо говорят, что ссоры тверских и других князей заставляли обывателей их княжеств уходить в более спокойные края. А с конца XIV в. поднялось усиленное переселенческое движение из междуречья на север, за Волгу. Размещаясь мелкими поселками, ведя более двух веков дробную работу по местам, но при сходных экономических и юридических условиях, переселенцы со временем сложились всюду в сходные общественные типы, освоились между собой, выработали на значительных пространствах известные взаимные связи и отношения, юридический быт и хозяйственный оборот, нравы, ассимилировали окрестных инородцев, и из всех этих этнографических элементов, прежде рассыпанных и разъединенных, к половине XV в. среди политического раздробления сложилась новая национальная формация.

Так завязалась и окрепла в составе русского населения целая плотная народность — *велико-*

русское племя. Оно складывалось тяжело и терпеливо. В продолжение 234 лет (1228—1462) Северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц и до 160 внешних войн, при частых поветриях, неурожаях и неисчислимым пожарам. Выросши среди внешних гроз и внутренних бед, быстро уничтожавших плоды многолетней кропотливой работы, оно чувствовало потребность в политическом сосредоточении своих неустroенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения.

Эта потребность и была новой, скрытой, но могущественной причиной успехов великого князя Московского, присоединившейся к первоначальным и основным, какими были: *экономические выгоды* географического положения города Москвы и Московского княжества, *церковное значение*, приобретенное Москвой при содействии того же условия, и согласованный с обстоятельствами времени *образ действий* московских князей, внушенный их генеалогическим положением.

Той же потребностью объясняется неожиданный и чрезвычайно важный для Северной Руси исход московской усобицы. Начав княжение чуть не ребенком, мягкий и благодушный Василий, казалось, совсем не годился для боевой роли, какая ему была суждена. Не раз побитый, ограбленный и заточенный, наконец ослепленный, он, однако, вышел из 19-летней борьбы с приобретениями, которые далеко оставили за собой все, что заработали продолжительными усилиями его отец и дед. Когда он вступал на спорный великокняжеский стол, московская вотчина была разделена на целый десяток уделов, а когда он писал свою духовную, вся эта вотчина была в его руках, кроме половины одного из прежних уделов (верейская половина Можайского княжества). Сверх того, ему принадлежало Суздальское княжество, вотчичи которого служили ему или бегали по чужим странам; московские наместники сидели по рязанским городам; Новгород Великий и Вятка были во всей его воле.

Наконец, он не только благословил своего старшего сына великим княжением, что еще колебался сделать его отец, но и прямо включил великокняжескую область в состав своей наследственной вотчины. Такие успехи достались Темному потому, что все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русском обществе стало за него, за преемство великокняжеской власти в нисходящей линии. Приверженцы Василия

А. Д. Кившенко. Преподобный Сергий Радонежский благословляет святого благоверного великого князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву. 1880 г.

не давали покоя его соперникам, донимали их жалобами, протестами и происками, брали на свою душу его клятвы, пустили в дело на его защиту все материальные и нравственные средства, какими располагали. Внук Донского попал в такое счастливое положение, не им созданное, а им только унаследованное, в котором цели и способы действия были достаточно выяснены, силы направлены, средства заготовлены, орудия приспособлены и установлены, — и машина могла уже работать автоматически, независимо от главного механика.

Как скоро население Северной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическим центром, около которого оно могло собрать свои силы для борьбы с внешними врагами, что московский князь может быть народным вождем в этой борьбе, — в умах и отношениях удельной

Руси совершился перелом, решивший судьбу удельного порядка: все до тех пор затаенные или дремавшие национальные и политические ожидания и сочувствия великорусского племени, долго и безуспешно искавшие себе надежного пункта прикрепления, тогда сошлись с династическими усилиями московского великого князя и понесли его на высоту национального государя Великороссии. Так можно обозначить главные моменты политического роста Московского княжества.

Часто дают преобладающее значение в ходе возвышения Московского княжества личным качествам его князей. Окончив обзор политического роста Москвы, мы можем оценить и значение этих качеств в ее истории. Нет надобности преувеличивать это значение, считать политическое и национальное могущество Московско-

го княжества исключительно делом его князей, созданием их личного творчества, их талантов. Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменяющимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Дмитрия, Василия, другого Василия. Всмотревшись в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа.

Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий. В их деятельности заметны некоторые индивидуальные особенности, но они объясняются различием возраста князей или исключительными внешними обстоятельствами, в какие попадали иные из них; эти особенности не идут далее того, насколько изменяется деятельность одного и того же лица от таких условий. Следя за преемственной сменой московских князей, можем уловить в их обликах только типические фамильные черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорее манекенами; он рассматривает в каждом его позу, его костюм, но лица их мало что говорят зрителю.

Прежде всего московские Даниловичи отличаются замечательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже среднего уровня. Племя Всеволода Большого Гнезда вообще не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением разве одного Александра Невского. Московские Даниловичи даже среди этого племени не шли в передовом ряду по личным качествам. Это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия. Во-первых, это очень мирные люди; они неохотно вступают в битвы, а вступая в них, чаще проигрывают их; они умеют отсиживаться от неприятеля за дубовыми, а с Дмитрия Донского за каменными стенами Московского Кремля, но еще охотнее при нападении врага уезжают в Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя в Москве для ее защиты владыку-митрополита да жену с детьми. Не блестя ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками или страстями. Это делало их во многих отношениях образцами

умеренности и аккуратности; даже их склонность выпить лишнее за обедом не возвышалась до столь известной страсти древнерусского человека, высказанной устами Владимира Святого.

Это средние люди Древней Руси, как бы сказать, больше хронологические знаки, чем исторические лица. Лучшей их фамильной характеристикой могут служить черты, какими характеризует великого князя Семена Гордого один из позднейших летописных сводов: «Великий князь Симеон был прозван Гордым, потому что не любил неправды и крамолы, и всех виновных сам наказывал, пил мед и вино, но не напивался допьяна и терпеть не мог пьяных, не любил войны, но войско держал наготове». В шести поколениях один Дмитрий Донской далеко выдался вперед из строго выровненного ряда своих предшественников и преемников. Молодость (умер 39 лет); исключительные обстоятельства, с 11 лет посадившие его на боевого коня; четырехсторонняя борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами его 30-летнее княжение, и более всего великое побоище на Дону — положили на него яркий отблеск Александра Невского, и летопись с заметным подъемом духа говорит о нем, что он был «крепок и мужествен и взором дивен зело». Биограф-современник отметил и другие, мирные качества Дмитрия — набожность, семейные добродетели, прибавив: «Аще книгам не учен сый добре, но духовные книги в сердце своем имяше».

При этом единственном исключении художнику высокого стиля вообще мало дела с московскими князьями. Но, не блистая особыми доблестями, эти князья совмещали в себе много менее дорогих, но более доходных качеств, отличались обилием дарований, какими обыкновенно наделяются недаровитые люди. Прежде всего, эти князья дружно живут друг с другом. Они крепко держатся завета отцов: «жити за один». В продолжение четырех поколений, со смерти Данила до смерти Василия Дмитриевича, Московское княжество было, может быть, единственным в Северной Руси, не страдавшим от усобиц собственных князей. Потом московские князья — очень почтительные сыновья: они свято почитают память и завет своих родителей. Поэтому среди них рано складывается наследственный запас понятий, привычек и приемов княжения, образуется фамильный обычай, отцовское и дедовское предание, которое заменяло им личный разум, как нам школьная выучка нередко заменяет самостоятельность мысли.

Отсюда твердость поступи у московских князей, ровность движения, последовательность действия; они действуют более по памяти, по затверженному завету отцов, чем по личному замыслу, и потому действуют наверняка, без капризных перерывов и с постоянным успехом, как недаровитому ученику крепкая память позволяет тверже отвечать урок сравнительно с бойким мальчиком, привыкшим говорить своими словами.

Работа у московских князей идет ровной и непрерывной нитью, как шла пряжа в руках их жен, повинувшись движению веретена. Сын цепко хватается за дело отца и по мере сил ведет его дальше. Уважение к отцовскому завету в их холодных духовных грамотах порой согревается до степени теплого набожного чувства. «А пишу вам се слово, — так Семен Гордый заканчивает завещание младшим братьям, — для того, чтоб не перестала память родителей наших и наша чтоб свеча не погасла». В чем же состояло это фамильное предание, эта наследственная политика московских князей? Они хорошие хозяева-скопидомы по мелочам, понемногу. Недаром первый из них, добившийся успеха в невзрачной с нравственной стороны борьбе, перешел в память потомства с прозванием Калиты, денежного кошель. Готовясь предстать пред престолом Всевышнего Судии и диктуя дьяку духовную грамоту, как эти князья внимательны ко всем подробностям своего хозяйства, как хорошо помнят всякую мелочь в нем! Не забудут ни шубки, ни стадца, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой — все запишут, всему найдут место и наследника. Сбереечь отцовское стяжание и прибавить к нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить — вот на что, по-видимому, были обращены их правительственные помыслы, как они обнаруживаются в их духовных грамотах. Эти свойства и помогли их политическим успехам.

У каждого времени свои герои, ему подходящие, а XIII и XIV века были порой всеобщего упадка на Руси, временем узких чувств и мелких интересов, мелких, ничтожных характеров. Среди внешних и внутренних бедствий люди становились робки и малодушны, впадали в уныние, покидали высокие помыслы и стремления; в летописи XIII—XIV вв. не услышим прежних речей

о Русской земле, о необходимости оберегать ее от поганых, о том, что не сходило с языка южно-русских князей и летописцев XI—XII вв.

Люди замыкались в кругу своих частных интересов и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться за счет других. Когда в обществе падают общие интересы и помыслы его руково-дителей замыкаются в сердоликовую коробку, положением дел обыкновенно овладевают те, которые энергичнее других действуют во имя интересов личных, а такими чаще всего бывают не наиболее даровитые, а наиболее угрожаемые, те, кому наиболее грозит это падение общих интересов.

Московские князья были именно в таком положении: по своему генеалогическому значению это были наиболее бесправные, приниженные князья, а условия их экономического положения давали им обильные средства действовать во имя личной выгоды. Потому они лучше других умели приноровиться к характеру и условиям своего времени и решительнее стали действовать ради личного интереса. С ними было то же, что бывает с промышленниками, у которых ремесло усиленно развивает сметливость и находчивость за счет других, высших качеств и стремлений.

Купец, чем энергичнее входит в свое купеческое дело, забывая другие интересы, тем успешнее ведет его. Я хочу сказать, что фамильный характер московских князей не принадлежал к числу коренных условий их успехов, а был сам произведением тех же условий: их фамильные свойства не создали политического и национального могущества Москвы, а сами были делом исторических сил и условий, создавших это могущество, были такой же второстепенной, производной причиной возвышения Московского княжества, какой, например, было содействие плотного московского боярства, привлеченного в Москву удобным ее положением, — боярства, которое не раз и выручало своих князей в трудные минуты.

Условия жизни нередко складываются так своенравно, что крупные люди размениваются на мелкие дела, подобно князю Андрею Боголюбскому, а людям не крупным приходится делать большие дела, подобно князьям Московским.

ИВАН III

Обратимся к изучению третьего периода нашей истории. Он начинается с половины XV в., точнее говоря, со вступления Ивана III на великокняжеский престол в 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613), когда на московском престоле является новая династия. Я назвал этот период временем Московской Руси, или Великорусского государства.

Главные явления

Северная Русь, до того времени разбитая на самостоятельные местные миры, объединяется под одной государственной властью, носителем которой является московский государь, но он правит при содействии нового класса, вокруг него образовавшегося, — боярства. Основой народного хозяйства в этом государстве остается по-прежнему земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле. Но государственная земля все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяясь хозяйственной зависимостью крестьянина от служилого землевладельца. Таковы главные явления, которые в этом периоде нам предстоит изучить.

Прежде всего, попытаемся выяснить основной, так сказать центральный, факт, от которого шли или к которому сводились все эти явления. Что дает нам право положить грань нового периода на половине XV в.? С этого времени происходят важные перемены в Русской земле, и все эти перемены идут от Московского государства и от московского государя, который правил этим государством. Вот главные действующие силы, которые в продолжение полутора столетий этого периода ставят Русскую землю в новое положение. Но когда Иван III наследовал на московском столе своему отцу, в Русской земле еще не было ни Московского государства в тех границах, которые оно имело в конце XVI в., ни московского государя с тем политическим значением, с каким он является 100 лет спустя. Оба этих фактора еще не были готовы в 1462 г., оба являются результатами медленного и трудного процесса, совершающегося в этот самый период. Чтобы лучше понять появление этих факторов, надобно представить себе политическое положение Русской земли около половины XV в.

Русская земля в половине XV века

Весь почти север нашей равнины с северо-западным ее углом к Финскому заливу составлял область вольного Новгорода Великого, к которой на юго-западе, со стороны Ливонии, примыкала маленькая область другого вольного города, Пскова. Вся Западная Русь, т. е. Белоруссия вместе с частью Великороссии, областью Смоленской и Русь Малая с соседними краями нынешних великорусских

Княженіе Васи́лѣмъ Васи́льевича омрачено почти единственными въ потомствѣ Калиты междоусобицами. Ослѣпленный Шемякою, Василий II занялъ вторично престолъ, избавивъ юнаго сына своего, Иоанна, соправителемъ и великимъ княземъ. При немъ послѣдній изъ греческихъ митрополитовъ Руси преданъ суду за принятіе Флорентинской Унии и преименнокомъ емъ избранъ русскій епископъ Юна.

Великій Князь Васи́лій Васи́льевичъ,
прозваніемъ Темный.
1425—1462г.

Великий князь Василий Васильевич Темный с сыном Иваном.

Рисунок В. П. Верещагина. 1896 г.

губерний — Курской, Орловской, даже с частями Тульской и Калужской входили в состав Литовско-Польского государства. За Тулой и Рязанской землей начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, на котором оседлому населению Руси не удавалось основаться прочно и где господствовали татары, гнездившиеся в Крыму и на нижней Волге.

На востоке, за средней и верхней Волгой, господствовали татары Казанского царства, отделившиеся от Золотой Орды в первой половине XV в., затем вятчане, мало слушавшиеся московского князя, хотя Вятка числилась в его владениях, и разные инородцы Пермской земли. Собственно центральное пространство равнины представляло кучу больших и малых княжеств, среди которых находилось и княжество Московское.

Московское княжество

Обозначим в общих чертах его границы. Северная часть нынешней Московской губернии, именно Клинский уезд, принадлежала еще Тверскому княжеству. Далее на север и северо-восток, за Волгой, московские владения соприкасались или перемежались с владениями новгородскими, ростовскими, ярославскими, простираясь до слияния Сухоны и Юга. С юго-западной стороны граница с Литвой шла по Угре, в Калужской губернии; Калуга находилась на юго-западной окраине Московского княжества, а она всего в 170 верстах от Москвы. Средним течением Оки, между Калугой и Коломной, Московское княжество граничило с Великим княжеством Рязанским, а нижнее течение Оки, от устья Цны, и течение Волги от Нижнего до устья Суры и Ветлуги отделяло его от мордвы